

81.0
ЛБ9

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЧЕЛОВЕК В ИНТЕРЬЕРЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ

СА-368583

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
 ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКА, ГРАММАТИКА, ДИСКУРС	
<i>Циммерлинг А. В.</i> Внутри и снаружи: к типологии предикатов состояния	17
<i>Шилихина К. М.</i> Дискурсивные маркеры как «интерьер» высказывания	42
<i>Труб В. М.</i> О некоторых языковых средствах введения в рассмотрение	53
<i>Трахтенберг Л. А.</i> Поэтика портрета и парадигматическая композиция в журнале Н. И. Новикова «Трутень»	68
<i>Семенова С. Ю.</i> Обозначение человеческого характера как параметрическое имя	83
<i>Радбиль Т. Б.</i> «Тело» vs. «вещь» в конструкциях с предлогом <i>от</i> (к проблеме концептуальных различий в естественном языке)	94
<i>Григорьян Е. Л.</i> Внешнее и внутреннее в человеке: синтаксический аспект	105
<i>Гордиевская М. Л.</i> Локативные конструкции в записях Т. Фенне и Г. В. Лудольфа и их проекция на современную разговорную речь	110
 ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ	
<i>Ануфриев А. А.</i> Испанские предикаты внутреннего состояния и их прономинальные варианты	119
<i>Зайнудинов А., Керо Хервилья Э.</i> Опыт создания прагмалингвистического словаря эмоционально-оценочной лексики	133
<i>Киосе М. И.</i> Изменчивый образ человека в непрямых и прямых номинациях в тексте	149

<i>Крылова Э. Б.</i> Человек в интерьере или интерьер с человеком: о выражении пространственных отношений в датском языке	161
<i>Макеева И. И.</i> «Стояше акы болван...»	172
<i>Малышев А. А.</i> Подзвездный, подлунный, поднебесный, подоблачный и подсолнечный миры в русской языковой картине мира XVIII века	184
<i>Мед Н. Г.</i> «Маски» человека в испанской лексике и фразеологии	195
<i>Михайлова Т. А.</i> «У нее голубые глаза и короткая серая юбка»: к вопросу о коммуникативной стратегии предложений «введения в рассмотрение» в традиционных дескрипциях	204
<i>Мищенко Д. Ф.</i> Презентативная копула <i>kà</i> в лоома	215
<i>Труб В. М.</i> К проблеме семантической интерпретации употреблений существительных <i>угроза, опасность, риск</i>	225
<i>Цветаева Е. Н.</i> О закрытых дверях и о закономерности одной тавтологии в немецких фразеологизмах	246
<i>Шершукова О. А.</i> «Что это сердце сильно так бьется...»: способы передачи внутреннего состояния человека в португальском языке	254
<i>Эдельман Д. И.</i> Человек в реальном и мысленном пространстве и времени (иранские языки)	265

ЧЕЛОВЕК В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Баранов А. Н., Добровольский Д. О.</i> Несуществующие жесты в русской идиоматике	274
<i>Ляпон М. В.</i> Интерьер как фигуральный предикат в эксперименте писателя	285
<i>Рябцева Н. К.</i> «Космических масштабов индивидуал»: человек в современном виртуальном пространстве	297
<i>Сечин А. Г.</i> Физиогномика как собрание референциальных метафор и их роль в изобразительном искусстве	312
<i>Усачева А. В.</i> Человек в материальном мире: предметы как символы в произведениях Э. Ионеско	325
<i>Фролова О. Е.</i> Интерьер традиционного жилища сквозь призму жанра загадки	333
<i>Фещенко В. В.</i> Лингвоэстетика текста в окружающем пространстве: ландшафтная поэзия Яна Финлея	342

Т. Б. РАДБИЛЬ

«ТЕЛО» vs. «ВЕЩЬ» В КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕДЛОГОМ *от* (К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ)

В последнее время постклассический логический анализ языка обнаруживает значительные успехи в интерпретации ряда важных языковых моделей и механизмов через призму специфики именно человеческой категоризации действительности в языке, т. е. способов, которыми человек выражает свой взгляд на мир посредством языка. Одним из таких механизмов можно считать отмеченную в работах многих когнитивистов «концептуальную воплощенность» (*conceptual embodiment*), понимаемую как «воплощенность телесную»: базовые концептуальные представления о теле формируют систему отвлеченных понятий нашего внутреннего мира, они в конечном счете структурируют наше обыденное мышление, отношение к миру и поведение, откладываясь в выражениях нашего языка [Лакофф 2011].

В настоящей работе мне хочется обратить внимание на одно любопытное, на мой взгляд, проявление указанной «телесной воплощенности» в русском языке. Предметом рассмотрения являются достаточно нетривиальные концептуальные различия между представлением человеческого тела и вещи / устройства, отражающиеся в некоторых русских предложно-падежных конструкциях с предлогом *от*. Почему мы можем сказать *ножка от стула*, но не можем — **ножка от младенца*? Как мне кажется, в рамках предварительного обсуждения здесь можно постулировать как минимум

А. А. МАЛЫШЕВ

ПОДЗВЕЗДНЫЙ, ПОДЛУННЫЙ, ПОДНЕБЕСНЫЙ, ПОДОБЛАЧНЫЙ И ПОДСОЛНЕЧНЫЙ МИРЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XVIII ВЕКА

XVIII в. принес российскому обществу новый взгляд на окружающий мир и новое понимание человека в этом мире. Более или менее пристальное внимание и интерес к своему положению в пространстве, с разной отчетливостью выраженные у разных авторов, были, конечно, присущи русской культуре и до XVIII в. [Лихачев 1970: 154—158], но если в XVII в. Симеон Полоцкий с его барочным пониманием мира как постигаемой разумом книги был скорее исключением, то Петровская эпоха открыла качественно иную свободу частной и общественной жизни и определила принципы бытового поведения и интеллектуального развития для намного большего числа людей [Панченко 1980: 420]. Именно в XVIII в. в российском обществе формируется дворянская культура, на долгие годы определившая состояние всех сфер жизни общества и породившая ко второй половине века тип философствующего дворянина [Артемьева 1996: 147—166], чье самосознание настойчиво требовало определения с различных точек зрения [Шмидт 2002]. Именно в XVIII в. развивается и во многом упорядочивается система обозначения чувств и эмоций, испытываемых человеком от происходящих в мире событий (см.: [Круглов 1998]). Как отмечал Ю. С. Сорокин, «изменения в стилистике языка и в стилистике речи связаны с изменениями в составе языкового коллектива, с изменением его социальной природы... с борьбой различных

В. М. ТРУБ

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ *УГРОЗА, ОПАСНОСТЬ, РИСК*

В рамках широкой проблематики, относящейся к теоретической модели «Смысл ↔ Текст» [Мельчук 1974], значительный интерес представляет изучение соотношения между глубинной и поверхностной структурой предложения. Одним из примеров такой коррелятивной связи служит, в частности, соотношение между отглагольным существительным как элементом поверхностной структуры и производящим глаголом, фигурирующим в составе более глубокого уровня представления фразы. В данной работе на примере существительных *угроза, опасность, риск* сделана попытка проследить, как ряд семантических свойств исходного глагола отражается в значении производного существительного.

Существительные *угроза, опасность, риск* естественно рассматривать как производные формы глаголов или «оглаголенных» обозначений, выступающих в качестве сказуемых ряда канонических структур.

Так, существительное *угроза* соотносится с одновидовой формой НСВ *грозить* 2, *угрожать* 2 в структуре Z-у *грозит* У (в отличие от двувидовой формы *грозить* 1, *угрожать* 1 / *пригрозить* в значении 'обещание причинить зло').

Существительное *опасность* соотносится со структурой X *опасен*.

А. Г. Сечин

ФИЗИОГНОМИКА КАК СОБРАНИЕ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ МЕТАФОР И ИХ РОЛЬ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Для того чтобы прояснить смысл *референциальной метафоры* в изобразительном искусстве, а также ее отличие от *метафоры понятийной*, рассмотрим картину французского живописца XVIII века Жана-Батиста Грёза «Сладострастие, или Вновь обретенная голубка» (1789—1790), которая была написана им для князя Н. Б. Юсупова, а ныне украшает постоянную экспозицию Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве (илл. 1) [Кузнецова, Шарнова 2001: 89]. На полотне изображена миловидная девушка, которая, закатив глаза, жеманно прижимает к своей груди белого голубя. В свое время Грёз поставил производство таких женских «головок» на поток, они пользовались спросом и приносили художнику немалый доход. Сохранилось его письмо своему знатному заказчику, где живописец объясняет аллегорическое значение образа:

...Голубка, которую она прижимает к своему сердцу так нежно, обеими руками, всего лишь изображение ее возлюбленного, прячущегося за этим символом; ее душа возбуждена чувством настолько нежным и чистым, что самая впечатлительная женщина сможет смотреть на нее снисходительно и не будет при этом оскорблена. Я добавил на ее голову венец из звезд, чтобы показать, что любовь на мгновение делает нас равными богам... [Эрнст 1924: 267].

Илл. 1. Грёз Ж.-Б. Сладострастие, или Вновь обретенная голубка. 1789—1790. Холст, масло. 46 x 37 см. Москва, Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

Далее он просит князя всем говорить, что эта работа обошлась ему в сто луидоров, тут же уверяя заказчика: прежняя договоренность не будет нарушена, и Юсупову «эта великая картина на маленьком холсте» на самом деле будет стоить пятьдесят. Пафос послания явно направлен на то, чтобы убедить адресата в том, что эта вещь — единственная и неповторимая в своем роде. Однако Грёз лукавил: незадолго до «Сладострастия» он написал «Воспоминание», где та же милостивая девушка, уже без нимба, держит в руках собачку — символ верности¹. Ряды таких повторяющихся образов невольно заставляют вспомнить риторику с ее поэтикой *общих мест*.

Вернемся к московской картине «Сладострастие» и письму живописца к князю Юсупову. Эта «головка» Грёза интересна тем, что

¹ Ныне находится в Лондоне, в коллекции Уоллес [Кузнецова, Шарнова 2001: 89]. См. также: The Souvenir [Electronic resource]: Jean-Baptist Greuze // The Wallace Collection. URL: <http://www.wallaceprints.org/image/323005/jean-baptiste-greuze-the-souvenir> (дата обращения: 31.08.2015).